

Ассоциация "Рафах"
Студия "Параллель"
Государственный музей искусств им. А.Кастеева

**КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
(XIX-XX, XX-XXI вв.):
ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ТРАНСФОРМАЦИИ**

**Материалы международной конференции
г. Алматы, 5-7 июня 1995 г.**

Алматы
1995

КУЛЬТ КОНЯ В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ ТАДЖИКОВ ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЫ

Конь, как известно, издревле почитался ираноязычными народами, и в частности таджиками и их предками¹, причем особенно к югу от Гиссарского хребта².

В конце XIX - начале XX века остатки верований и представлений, связанных с конем, явственно прослеживались у таджиков не только в похоронно-поминальной сфере, но и в других семейных и календарных обрядовых циклах, в народной лечебно-магической практике, в традиционном фольклоре.

Таджики - древний земледельческий народ Средней Азии, а разного рода верования, связанные с почитанием животных, и в частности коня, обычно ассоциируются у читателей в первую очередь с кочевыми, скотоводческими народами. Но несмотря на оседлость, у таджиков было развито скотоводство, занимавшее небольшое, но важное место в структуре их традиционного хозяйства³. Особое развитие скотоводство получило у таджиков горных и предгорных местностей - в Дарвазе и Каратегине, в верховьях реки Зеравшан, в Кулябе, Нуреке, Яване, в Вахшской долине, в Кобадiane, а также на южных склонах Гиссарского хребта. Исследователи неоднократно отмечали традиционность этой отрасли таджикского хозяйства, выражавшуюся в выработанных веками своеобразных приемах и навыках ухода за скотом, в бережном и любовном отношении к нему, наконец, в целом комплексе обычаев и поверий, связанных у таджиков с лошадьми, коровами, быками, баранами и др.⁴

Многие, особенно зажиточные, крестьяне держали лошадей, используя их обычно для перевозки грузов и для верховой езды. Нередко коней держали и специально для участия в конных играх - козлодраниях ("бузкаши"). Например, в долине реки Хонако, в кишлаке Бобосурхон, где было много любителей этой конной игры, весной специально праздновали день первого вывода лошадей - "махали аспбарори". Лошадей привязывали во дворе к колу, а в это время хозяин угощал друзей, не забывая посвятить часть пищи духам предков и пирам - покровителям козлодрания; во время угощения читали молитвы и просили умерших предков послать им удачу в будущих играх. В каждой местности были свои "бузкаши" или "чавандозы" (любители козлодрания) - молодые мужчины, мужественные и ловкие

- ⁴³ Кавказстан географиялык атауларынын сөздигі (Жезказган облысы). Алматы, 1990. 149б. (Далее КГАС). Авторы словаря, опираясь на выводы исследователя Т.Конкашпаева, считают приемлемым его мнение о том, что кайракты означает "место, где много камней-кайраков".
- ⁴³ Мурзаев Э.М. Указ.соч. С.491-492. Чай (сай) в азербайджанском и турецком языках - река, речка.
- ⁴⁴ Турецко-русский словарь. М., 1977. С.125.
- ⁴⁵ Мурзаев Э.М. Указ.соч. С.594.
- ⁴⁶ Манжигеев И.А. Указ.соч. С.37.
- ⁴⁷ Молчанова О.Т. Указ.соч. С.320.
- ⁴⁸ Койчубаев Е. Указ.соч. С.226.
- ⁴⁹ ДТС. С.597.
- ⁵⁰ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Часть 1. Алма-Ата, 1959. С.278, 413.
- ⁵¹ На первые в истории казахские географические карты в Казахской советской энциклопедии топонимы переносились с русской транскрипции казахских наименований, в результате чего река Түнтөгүр вместо правильного Түнтөгер получила непонятное, но "казахское" написание Тiмтүiр. См.: Казак совет энциклопедиясы. Алматы: 1978. Т.12. Карта между страницами 48, 49.
- ⁵² Молчанова О.Т. Указ.соч. С.286.
- ⁵³ Там же. С.22. Основное значение "меес" - южная, безлесная сторона горы, противоположная северной (арка).
- ⁵⁴ Подр. см.: Сембин М.К. Указ.соч. С.67.
- ⁵⁵ ДТС. С.488, 597.
- ⁵⁶ Теншиев Э.Р. О языке киргизов уезда Фуюй (КНР) // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С.90-91.
- ⁵⁷ Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С.84. (Север - сторона против солнца; юг - полуденная сторона; восток - сторона восходящего солнца; запад - сторона заходящего солнца).
- ⁵⁸ Выражаю искреннюю признательность журналисту Агасы Бабаоглы Мамедли (г.Баку) и писателю, историку Бронтою Янговичу Бедюрову (г.Горно-Алтайск) за устную информацию о том, что в азербайджанском и алтайском языках в живой речи до сих пор используется слово "сары" в значении стороны, направления.
- ⁵⁹ Молчанова О.Т. Указ.соч. С.64.
- ⁶⁰ Она же. Желтые цвета в алтайском ономастиконе // TURCOLOGICA, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1986. С.201, пр.23.
- ⁶¹ Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С.160.
- ⁶² КГАС. 255б.
- ⁶³ Мурзаев Э.М. Указ.соч. С.204.
- ⁶⁴ Там же. С.105.
- ⁶⁵ Казак совет энциклопедиясы. Алматы, 1977. 11т. 55б; Балатерісакхан - ҚСЭ. Алматы, 1973. 2т. 125б.
- ⁶⁶ Гамкрелидзе Г.В., Иванов В.В. Миграция племен - носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вест. древней истории. 1981. № 2. С.28.
- ⁶⁷ Кононов А.Н. Способы и термины... С.76.
- ⁶⁸ Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С.362.

всадники, умелые игроки. Самых знаменитых из них знала вся округа, иногда о них даже складывали легенды. С одним из них - Бовишо Зиён човандоз - предание связывает благоустройство и расцвет города Шахринау (ранее якобы называвшегося Чамлул). В кишлаке Лойов и сейчас живет целая династия его потомков-чавандозов (по легенде, их предки переселились сюда несколько столетий назад из Ховалинга). Они очень любят и разводят коней, мастерами ухаживают за ними и тренируют их.

Во многих местах Гиссарской долины в таджикских семьях принято было дарить новорожденному мальчику жеребенка. Первый выезд ребенка верхом на коне специально отмечали угощением друзей отца (Файзабад, Тусамбог, Шахринау, Туда, Бобосурхан и Лойов).

Козлодранье ("бузкаши", "чавандози", "шахтоз", "пойга") обычно устраивали по случаю свадьбы, обрезания мальчика или даже рождения первого сына, по случаю Нового года, при сооружении или чистке водоемов⁵. Отличительной чертой этих игр было, с одной стороны, широкое их распространение именно среди таджиков (иногда они устраивали игры не на лошадях, а на ишаках - "бузи хараки"); с другой стороны, важно отметить совместное участие и таджикских и узбекских чавандозов, живших по соседству по всей Гиссарской долине. Самые известные места проведения совместных общегиссарских игр были близ города Турсунзаде (быв. г.Регар) и у кишлака Сариджу. Организацией таких больших конно-спортивных празднеств в начале XX века нередко занимались представители местной администрации - чиновники бухарского эмирата, местные миры и беки (полевые материалы автора, 1985 г.). Сакральные конные игры типа козлодрания уходят своими корнями в древнейшую эпоху и связаны, как неоднократно отмечали исследователи, с архаичными культами, с культом природы, а у таджиков - особенно часто - со свадебным ритуалом⁶.

Немаловажны, знаменательны и разнообразны функции коня в свадебной обрядности, еще разнообразнее конкретные обрядовые формы проявления этих функций.

Конь, наряду с другими домашними животными, был обязательной частью калыма - "кола", который сторона жениха платила за невесту. Во время свадебных церемоний оседланный конь ("аспи ба авзол") часто бывал непременно или желаемым подарком; сторона жениха таким образом одаривала отца невесты или дядю - брата ее матери - *таго* (Каратаг)⁷; бывало, что при первом посещении женихом дома невесты он не соглашался садиться вместе со всеми до тех пор, пока будущие родственники не пообещают подарить ему коня (Каратаг)⁸.

При перевозе невесты в дом жениха ее обычно везли на лошади, красиво разукрашенной по этому случаю разноцветными лентами, платками, крытую лоскутным одеялом курпача-курок*, ковром или вышитым "сузани". Около дома жениха свадебный поезд встречали его родственники. У ворот обычно разжигали костер, вокруг которого и обводили коня с невестой, иногда вокруг огня танцевали женщины - бази. Прежде чем снять невесту с лошади, полагалось трижды "угостить" лошадь, поднести ей решето с ячменем, смешанным с кишмишом - "чаваспа"; оставшееся после трехкратного кормления лошади зерно отдавали обычно бедняку в качестве милости - "садака" (Файзабад). После этого невеста сходила на землю, а жених сразу же должен был трижды перепрыгнуть через эту лошадь (Чуянгарон - Рамит, Файзабад, Элок - Н.Каратегин, Тошбулок, Бобосурхон - г.Зонако, Туда, Хофизкишлок - Гиссар).

Важной составной частью таджикской свадебной церемонии был обряд смотрения лица невесты - "руйкушоён", "руйбинон"; при проведении этого обряда и при приготовлении брачного ложа у варзобских таджиков также постоянно всплывал образ коня. Лицевое покрывало одна из женщин поднимала специально приготовленной раздвоенной на конце веточкой плодового дерева, а присутствующие при этом женщины хором вскрикивали: "Курхайт!"** и затем читали стихи с пожеланием невесте обильного потомства (см. Приложение 1). Интересно, что очень похожий обряд отмечен у их северных соседей - таджиков Пенджикента (к.Урметан) (полевые материалы автора, 1962 г.)

При сооружении брачного ложа женщины со стороны невесты старались незаметно подложить под постель жениха конскую узду ("лачони асп"), что якобы поможет молодой жене в будущей семейной жизни взять верх (Файзабад).

В состав свадебной обрядности таджиков Каратага (Аскари сурх), Файзабада и других районов Гиссарской долины входил и театрализованный шуточный эпизод "аспакбози" - "борьба лошадей" или "кампири аспсувор" - "старуха-всадница". Устраивали эти сценки уже в конце свадьбы, при торжественном снятии свадебной занавески "чодарканон"; присутствовали при этом только женщины. Снятый занавес, свернутый с подушками, изображал "коня", на которого садилась "верхом" многодетная пожилая женщина, в руках она держала веревку - "уздечку" и "кнут" - раздвоенную ветку ("чуби дукушша") плодового дерева, обычно вишни. В это же время

* Курпача-курок - во-первых, бережет молодых от дурного глаза, недоброжелателей; во-вторых, знак многодетности будущей семьи.

** Курхайт - возглас чабанов, которым понукают овец и коз.

старуха, державшая "коня" сзади, такой же веткой "гоняла" его по комнате, приговаривая разные шуточные слова: "шаху арус канчигасувор", "мо аспасувор" - "а мы на коне"; женщины при этом смеются, хозяйка бросает им в награду платки, осыпают их конфетами и монетами. Затем на "коня" садится беременная женщина, на голову которой также сыпали конфеты, дарили платок и пр. Этот обряд и сейчас устраивают в Каратаге.

Очевидно, что участие коня в семейных обрядах отнюдь не единично и не случайно. В этом же убеждают и многочисленные традиционные представления о коне, которые нередко были довольно противоречивы. Например, увидеть наряженного, оседланного коня во сне, особенно если он белой масти, или карабкается вверх, или летит (многие считали, что кони ранее были крылатыми), - все это почиталось очень хорошей приметой, предсказывающей достижение уважения, повышение, почет и пр. (Чиртак, Файзабад, Джиргинак). Но в то же время неоседланный конь во сне означал близкую смерть какого-либо члена семьи (Файзабад, Каратагин)⁹.

У разных локальных групп таджиков зафиксировано архаичное представление о связи коня с *дэвами* - злыми великанами таджикской демонологии. При этом образ коня как бы раздваивался: с одной стороны - это доброе существо, "брат", "друг" человека, его помощник и защитник (от злых духов и дэвов в том числе); а с другой стороны - в коня могли воплощаться дэвы и некоторые другие зловредные духи, поэтому отношение таджика к коню часто было настороженным¹⁰. У таджиков долины реки Зеравшан шаманки даже устраивали специальные жертвоприношения дэвам, "дэв-оши" - плов из гороха с кониной и давали его съесть лошадям или быкам в стойла¹¹.

Представление о лошади (коне) как существе амбивалентном, связанном со сверхъестественным миром, лежит и в основе многих народных способов лечения. Для облегчения родов в Файзабаде так или иначе прибегали к "помощи" коня. Беременная женщина должна была встретить приехавшего издалека всадника, поднести его коню решето с пшеницей, трижды покормить коня, а затем, вернувшись с остатками пшеницы, поджарить ее и съесть остатки (при этом лошадь эта не должна была прежде участвовать в похоронной процессии, иначе ребенок мог умереть). В кишлаке Ширинбулак при тяжелых, затянувшихся родах повитуха призывала на помощь так называемых "ляшкарров" - невидимых духов-всадников, встречи с которыми в обычное время старались избегать. В Варзобе и в Верхнем Зеравшане в аналогичных ситуациях роженицу, напротив, пугали: "Скорей, а то ляшкары идут". В случае благополучных родов мулло или табибу - знахарю семья могла подарить коня со всем снаряжением - "аспи ба авзол" (к.Зидди). Злые духи, согласно народным представлениям, боялись домаш-

них животных, поэтому женщины, у которых ранее дети часто умирали, предпочитали рожать не в доме, а на конюшне - *аспхона* или в хлеву *огил* (Чиртак, Туда).

В Фергане при тяжелых родах в этой же комнате рядом с роженицей сжигали кусок конского копыта, а ей давали пить воду из чашки, на внутренних стенках которой тушью была написана молитва¹². В Бухаре эта чашка называется *чилтос*.

При лечении различных детских болезней народные знахари использовали копыто лошади - *сум*, *кавшиаки асп*, волосы из ее хвоста или гривы, просто конские атрибуты - уздечку, нагайку, седло и т.д.; часто упоминали лошадь или коня в соответствующих причитаниях и заклинаниях. Например, в кишлаке Бувак, Харангон (Варзоб) считали, что от испуга возникает болезнь "эсаркок", которую "лечили" так: на сурфу и доску для раскатывания теста клали больного ребенка лицом вниз, посыпали его мукой и тупой стороной ножа делали вид, что режут болезнь подобно "лапше", и приговаривали:

Эсаркок чои ту эсовхона,	Болезнь, твое место эсовхона,
Эсаркок, чои ту кахдонхона,	Болезнь, твое место - сеновал,
Эсаркок, чои ту дар аспхона,	Болезнь, твое место - на конюшне,
Эсаркок, чои ту дар молхона.	Болезнь, твое место - в хлеву.

Родившихся бездыханными недоношенных младенцев ("норасид"), а также детей, страдающих припадками из-за нападения "черных духов" (болезнь "косашиканак" - "разбивающая чашка") или "шайтонламиш" (припадки) (Такоб, Зидди, Варзоб, Хофизкишлак, Файзабад, Хушон), помещали под большой черный котел, иногда накрывали его козьей шкурой и били по нему уздечкой коня, приговаривая:

Инс боши, чинс боши, пари боши, дев боши,
Ай лави ов омади, ай огил-и гов омади,
Ай кади куча омади, ба паи одам омади,
Ба паи асп омади, ба ними шаб омади, буро рав,
Инчо чои истодан нест, рад кардам ва ботил кардам.

Будь ты злора человека, злого духа, джина, пери или же дэва,
Пришел ли из реки, пришел ли из коровника,
Пришел ли с улицы, пришел ли по следам человека,
Пришел ли по следам лошади, пришел ли в полночь,
Выйди, уходи; нет тебе здесь места,
Отверг и заглушил я твою силу.

При изготовлении снадобья для лечения тяжелой болезни "сухтани"

(сибирская язва) полагалось все ингредиенты (сало, опиум, желчь и др.) перемешивать непременно лошадиным кнутом (Варзоб).

В селениях Симиғанче, Варзобе (Зимчуруд) и в Чиртаке больного ребенка, "поврежденного" "черными духами" - "сиёҳи", "зиён", "лечили" по-разному. Трижды проводили его через трещину в земле. Если была естественная трещина в пещере, то пропускали ребенка через нее, а при отсутствии сами копали специальную яму. Протаскивали через дупло дерева или трижды клали в кормушку к лошади, трижды проносили ребенка между ногами лошади, ослицы, коровы или собаки, ибо, как мы уже отмечали, злые духи боялись домашних животных (то же представление отмечено в Хуфе, Дарвазе и Каратегине)¹³.

Каратагцы (к.Аскари сурх) верили, что особую болезнь "от испуга" - "тарсу ваҳм" насылали так называемые "ветряные духи" - "шифои момоҳо". Чтобы умиловить их, изготавливали сорок свечей - "нугчаҳои шамолчирог", делили на несколько частей и помещали по несколько штук в копыто лошади - "кавшак асп". Затем в полночь, когда все спят, ставили эти светильники в нескольких местах вне дома, подальше от больного. Это объясняли так: конь связан с дэвом, следовательно, и с ветром¹⁴, именно такие светильники (с копытом лошади) должны были помочь избавиться от болезни.

В других частях Таджикистана (по материалам автора 1962 г.), например на Западном Памире, считалось, что здоровье ребенка, особенно новорожденного, тоже зависело от лошади. Например, если в дом, где находится мать с новорожденным в возрасте до 40 дней - *чилла*, нечаянно въедет мужчина на коне, то ребенок может заболеть особой болезнью "муг" (слово памирское) - припадки - младенческая детская судорога. Для его выздоровления необходимо было из хвоста лошади вырвать волос, и халифа (духовный наместник, мулла) делал на нем 7 узлов и клал его в люльку под голову ребенка. По данным И.И. Зарубина, у других групп припамирских таджиков вообще от всякого нездоровья избавлялись, повесив на шею младенцу несколько волос из хвоста коня, а в доме повесив уздечку¹⁵. У гиссарских таджиков зафиксировано еще одно любопытное обыкновение: если в семье умер мальчик в возрасте более семи лет, над которым еще не был совершен обряд обрезания, то читать над ним заупокойную молитву - *чаноза* не разрешалось. Или же при ее чтении отец ребенка брал в рот уздечку лошади, поскольку виновником считался он, так как вовремя не совершил данный обряд.

Таким образом, "пережитки культа коня" прослеживаются во многих

"переходных" семейных обрядах, что указывает на давность бытования этого культа в таджикской земледельческой среде. Ритуал участия коня в похоронно-поминальной обрядности отмечен и наиболее подробно описан у казахов, узбеков, каракалпаков. Аналогичные обряды зафиксированы также у некоторых ираноязычных народов и осетин¹⁶. Нами впервые выявлены и описаны пережитки культа коня в похоронно-поминальной обрядности таджиков.

Культе коня в похоронном обряде

До недавнего времени в ряде таджикских кишлаков Гиссарской долины бытовал или еще сохранился в памяти архаичный обычай, связанный с ролью коня умершего мужчины. По рассказам пожилых сельчан, для соблюдения этого обычая совершали обряд украшения коня покойного. Его седлали, накидывали на него одежду умершего, раскладывали по спине коня чалму хозяина. Затем иногда покрывали коня траурной накидкой. В случае смерти молодого парня-жениха на коня складывали все приготовленные к свадьбе вещи. К ушам его привязывали красные и белые платочки - "нумолакои сурху сьфед" (как делалось и во время свадебного обряда, при переезде невесты к жениху).

Оседланного и таким образом "украшенного" коня привязывали к деревянному колу - "яккамах" посреди двора, и родственники покойного устраивали вокруг него коллективное оплакивание. Каждая брала в руки какую-либо вещь умершего (вышитый носовой платок, тибетейку, поясной платок) и причитала над ней. При этом женщины ходили по кругу вокруг коня умершего и в специальных траурных причитаниях оплакивали и покойного, и его коня (см. Приложение 2, пример 1). Этот обряд называли по-разному: "Аспа зора мондан", "зор мондан", "зори бастан" (в кишлаках Файзабад, Рохати, Варзоб, Чиртак, Хавтахта, Туда и др.) (от слова "зор" - "плач, рыдание", "мольба"; "зор мондан" - также означает "оказываться всеми заброшенным"¹⁷. Другое название - "аспа завли бандум", "завли бастан" (Рамит, Джиргинак) (от "завлона" - "железные обручи, оковы, надевавшиеся на преступников", "завлона бастан" - "заковывать"). В кишлаке Бобосурхан (Хонако) и Симиғанч (в Янги Базаре) этот же обряд называли "аспа қантар қардан" (дословный перевод - "привязать лошадь так, чтобы голова ее не доставала до корма", "ставить лошадь на выстойку")¹⁸.

Обряд наряживания и оплакивания коня вместе с покойным в разных местах Гиссарской долины, где он был зафиксирован, в деталях различался. Например, в Файзабаде, Тошбулаке (горн.Хонако), Зимчуруде (Варзоб), в

Каратаге и др. - конь или лошадь (безразлично) должны были непременно принадлежать умершему; тогда как в Рамите (или в кишлаке Эркин (Сари-ассиё) разрешалось как бы "временно купить" коня при свидетелях у соседей или родственников, а после совершения обряда - вернуть хозяевам. Но в то же время если умерший владел лошадьми, то в день его смерти могли нарядить и сразу двух любимых коней.

Непосредственно в оплакивании наряженного коня участвовали женщины - родственницы покойного, но иногда (у таджиков кишлака Арху, Симиганч или Сина у Денау) им помогали еще и ровесники умершего парня; иногда мать, сестра или жена умершего мужчины исполняли ритуальный "танец" - "садр", как бы солируя перед хором плакальщиц.

В ряде кишлаков вместе с конем оплакивали и вдову. В кишлаке Севистан (Рохати), когда одна семья лишилась 46-летнего мужчины, его коня нарядили, покрыли черной накидкой "ёлпуши сиёх", привязали к колу на дворе. Одновременно на его жену надели свадебный наряд и заставили ее особым образом подпрыгивать, наклоняясь то вправо, то влево, то упирая руки в бока, то протягивая их вперед и приговаривая: "Вой, хонам" ("О, мой дом"). Этот "танец" называли "самаъ", вдова исполняла его между тобутом* и конем. Аналогичный обряд проводили и в кишлаке Аскарри сурх (Каратаг), Нилкон (Рохати), а в соседнем с ним кишлаке Чиртак вместе с конем тоже наряжали молодую вдову, но только здесь уже - в траурные одежды, нередко вывернутые наизнанку, на голову ей надевали чалму мужа, на шею - футу, а окружающие оплакивали сразу троих: покойного, его коня и его вдову. В кишлаке Сорво (Рамит) погибшего юношу - *чавандоза* оплакивали вместе с конем и с помолвленной с ним девушкой, наряженной по этому случаю в свадебный костюм - "арус мекардан" и сидевшей у его изголовья (см. Приложение 2, пример 2). В кишлаке Туда, где однажды во время свадебных торжеств (в период сорокадневия) умер жених, его оплакивали вместе с наряженным, покрытым свадебной занавеской "чодари арусЯ" конем и невестой, одетой в костюм самого жениха и исполнявшей танец "садр". Оплакивали коня, вдову и покойника в поселке Гиссар и в кишлаке Шуроби точик и в Рохати. В то же время в некоторых кишлаках Рамита (кишлаки Хушон, Гускеф, Лифигар) наряженного коня предпочитали вообще не оплакивать (считая это тюркским обыкновением - "ин одати туркия"); здесь ограничивались лишь присутствием наряженного коня и оплакивали самого покойного - такое обыкновение почиталось давнишним таджикским обрядом, отличным от узбекских обычаев.

*Тобут - погребальные носилки.

Следующий элемент похоронного обряда гиссарских таджиков, в котором нередко принимал участие оседланный и наряженный конь (или лошадь) покойного, - это обряд искупления, выкупа грехов "давра" ("тахлил", "искотбарорй", "солпурси", "солбарорй"), который устраивали перед выносом тела из дома. Этот обряд по шариату назывался "фидия", но, несмотря на его обязательность, у многих среднеазиатских народов его исполняли чисто механически, читая соответствующие молитвы. На юге Таджикистана обряд выкупа грехов "давра" был широко распространен, обставлен символическими действиями и разнообразными атрибутами¹⁹. Помимо этого "обычного" варианта "давы" в Гиссарской долине в ряде кишлаков зафиксирована и другая его разновидность - с участием коня умершего. При исполнении этого варианта "давы" коня считали частью "хайрота" - то есть имущества, которое семья умершего в день похорон, во-первых, раздавала всем присутствовавшим, во-вторых, передавала мулле - "даврагару" или лицу, согласившемуся принять на себя грехи покойного ("мустахику", "нарзбардору").

При исполнении обряда, как обычно, мужчины вставали в круг, а посреди ставили деревянное блюдо с пшеницей или ячменем, поверх зерна могли еще положить отрезки ткани ("токивор", "йиртыш", "кола" (Сари-ассиё), рядом ставили коня. Мулла держал в одной руке уздечку коня, а в другой - четки. Перебирая четки - "тасбех", он читал молитву и передавал "мустахику" лошадь и зерно столько раз, сколько "грешных" лет прожил умерший. Важной частью этого действия было определение точного возраста покойного - "солбарорй" (особенно если он был сирота или приезжий и никто не знал, сколько ему лет). Для определения возраста существовало несколько способов, часто сложных и не во всем понятных: с помощью зерен пшеницы или чистых камешков из реки (Лифигар, Нилкон, Чуянгарон, Каракамар, Моинкач (Муингоч), Каратаг, Сари-ассиё, Арху), называемых "тахлил" (то же - в Пенджикенте). Для "точного" определения возраста покойного использовали и лошадь (Каратаг, Сари-ассиё, к. Махмадшои поён (Кулябская область). Таджики верили, что это возможно с помощью лошади, ибо "асп - тухми дев" - "лошадь - зародыш дэва". Лошадь подводили к "мустахику" (человеку, берущему по договору на себя грехи умершего), давали ему подержать уздечку, читали молитву и при этом внимательно следили за лошадью. Если при перечислении муллой названий годов 12-летнего цикла лошадь приподнимала ногу, следовательно, произнесенный в этот момент год и был годом рождения умершего.

По окончании обряда "давра" блюдо с зерном выставляли на крышу

дома (для птиц) или частично раздавали сиротам или "мустахику". Считалось, что с этим зерном из дома уходит вся "чернота", "тяжесть", "печаль" - "сиёхию вазбини, гам мебурия". Лошадь или заменявшие ее вещи (материю) (то есть остальную часть хайрата) отдавали муле - "даврагару". Мулла обычно все опять возвращал хозяевам, и они его за это одаривали - "рози кардан": отдавали "джойнамоз" (молитвенный коврик), четки, коран покойного; "мустахику" вручали деньги, немного зерна, иногда - отрез ткани.

Обряд "давра" с конем, как уже упоминалось, чаще всего исполняли на востоке Гиссарской долины - в городе Файзабаде и его окрестных кишлаках (Джанварсуз, Дубеда, Сурхдара и др.), в больших равнинных селениях (Кукташ, пос.Гагарина, к.Туда), в кишлаке Калъа (пос.Гиссар), в некоторых кишлаках Варзоба (Зимчуруд, Камчин), долине Хонако (к.Джиргинак) и Рамита (правда, в последнем этот обряд иногда называли "хиллаи шаръи" - "хитрость, обман шариата"). Активное участие коня в "давре" отмечено также и у таджиков-карататцев (г.Каратаг, к.Янгиарык, Аскари сурх) и у некоторых групп таджиков-горцев Сарияссьё (кишлаки Эркин, Зогхона, где в обряде принимали участие даже не одна, а три-пять лошадей). Но параллельно с этим в ряде кишлаков того же Рамита (Вистон, Пчэф, Вускеф), в некоторых равнинных кишлаках (Ширинбулак близ Орджоникидзебада), в большинстве селений долины реки Хонако (Хофиз-кишлок, Тошбулак, Бобосурхон, Хавтахта), а также в городе Гиссаре (квартал Белайдуз), Шахринау, в кишлаке Чиртак конь в "давре" не участвовал, здесь бытовал "обычный вариант" искупительного обряда.

Во многих кишлаках участие коня в похоронно-поминальной обрядности не ограничивалось его оплакиванием и участием в давре, довольно часто наряженный конь входил в состав похоронной процессии. В прошлом, особенно если человек (мужчина или женщина) умер далеко от дома, тело покойного везли на лошади, поместив на ней переметные сумки - "хурчин" с сеном и привязав тремя метрами белой материи от савана поверх них, поперек, носилки - "тарвоза" (рамитские кишлаки Лифигар, Ромит, Кипчок, Симиғанч; Рохати, Белайдуз в г.Гиссаре). Иногда похоронные носилки везли на двух лошадях, шедших друг за другом ("думбадум") (кишлаки Яфрак, Чуянгарон) или рядом (к.Бакарон, Элок - Н.Каратегин).

Но еще чаще лошадь просто вели *перед* носилками с покойником (к.Мавлоно Ленинского района, к.Такоб, Янгиарык (Каратаг), кишлаки Джанварсуз, Дубеда (Файзабад), в горном Хонако (кишлаки Кипчок, Бобосурхон), иногда коня вел отец молодого умершего парня. В кишлаках Чиртак, Каратаг, Зимчуруд, Усто Шамс, Джиргинак, Тошбулак лошадь

вели за тобутом, доводили до кладбища и даже обводили трижды вокруг могилы хозяина. В других местах действовали иные установления: иногда коня доводили только до ворот кладбища (кишлаки Рамит, Туда, Зимчуруд и др.), а иногда конь шел в процессии вообще только до места чтения молитвы "джаноза" (часто это происходило на полпути к кладбищу) (к.Чуянгарон в Рамите, к.Кипчак в Хонако, к.Моинкач в Рохати). Наконец, в Шоразме коня водили на кладбище специально, вне процессии, вечером, обводя его трижды вокруг могилы. На третий день после похорон вели коня к могиле и тоже обводили вокруг нее и в кишлаке Пчэф (Рамит).

Таким образом, по предварительным данным, так или иначе коня водили до кладбища и на кладбище почти по всей Гиссарской долине - и на востоке (в Рамите, Варзобе, Файзабаде, Рохати, Хонако, в поселке Гиссар) и на западе долины (в Каратаге, Туда, в к.Чиртак).

Наконец, последний рассматриваемый элемент - различное "участие" коня в трауре и в поминках. Чаще всего "посвященный" конь, ходивший на кладбище, возивший труп, в дальнейшем в других обрядах (например, свадебных) и спортивно-ритуальных играх ("бузкаши") участвовать не мог; не должен был он и оставаться в семье умершего, так как сам считался умершим: "моли мурда аз паси мурда" - "имущество умершего - за умершим". Поэтому после похорон его, как правило, продавали куда-нибудь подальше от родного кишлака, а на вырученные деньги устраивали поминки (сороковины или годовщину). Однако сразу после похорон, приведя коня с кладбища, его обычно покрывали траурной попоной или вышитым покрывалом "даврии гулдузи", завязывали ему белыми или черными повязками глаза или покрывали морду специальной накидкой "рукилаки сурх" (Симиғанч) или "чишмпушак" (Сангмела) и в таком виде опять привязывали к колу "яккамсх" посреди двора или просто держали около дома в течение трех-семи дней. Считалось, что, как и люди в доме, он находился в трауре - "азов мегирад" (кишлаки Рамит, Симиғанч, Шоразм, Вистан, Камчин, Варзоб-Калъа, Такоб, Севистан, Рохати, Туда, Сина, Бобосурхан, по всей долине Хонако и др.) Иногда коню на ухо читали "джанозу" (у таджиков сангмелачи близ Шахринау). После такого траурного обряда коня либо оставляли дома (Шахринау, Рохати), либо сразу, через сорок дней или через год все же продавали (Зимчуруд, Каратаг, Чиртак, Бобосурхан и др.). На вырученные деньги либо устраивали поминки очередные - "хайру худой", либо помимо угощения всем пришедшим на поминки раздавали вырученные от продажи коня деньги - "хайротпули" (к.Рамит, к.Туда (Гиссар), к.Такоб (Варзоб).

Другой вариант использования "посвященного коня" можно было наб-

людать в состоятельных и богобоязненных семьях - коня дарили бедному родственнику, даже нищему, совершая тем самым богоугодный поступок - "садақа" (Файзабад, Гиссар, к.Шуроби точик, пос.Гагарина в Ленинском районе); иногда коня отдавали мулле или шейху (к.Мойнкач в Рохати).

Закалывание "посвященного коня" и раздача мяса в сыром виде на поминках нами зафиксированы в кишлаках Теппе Самарканди, Рохати, Ленинского района, Харангоне (Варзоб)*. Отношение к мясу "посвященного коня" было разным: в Рамите оно считалось "нечистым" - "ҳаром", но в то же время если во время козлодрания лошадь калечилась, то считали необходимым ее убивать (во имя бога) и сырое мясо - "хомталаш" - раздавать участникам козлодрания, либо по домам всем жителям кишлака или гузара, либо на похоронах (к.Яфрак, к.Гумбулак, к.Джойникуйди близ Файзабада, Рохати, Харангон, Варзоб и др.).

Следует подчеркнуть, что рассмотренный обряд отнюдь не был в конце XIX - начале XX века обязательной, неперменной частью всяких похорон: "посвящение коня" проводилось только в случае смерти необычной - состоятельного и молодого, еще полного сил мужчины, юноши или при гибели охотника или чавандоза, участника козлодрания. Именно поэтому подобные обряды с участием коня ординарными похоронами не были.

Однако мы обнаружили, что у всех групп таджиков Гиссарской долины обряд бытовал в более или менее полном виде. Наилучшая "сохранность" рассмотренных выше элементов похоронно-погребальной обрядности с участием коня прежде всего характерна для "гиссарских кулябцев" ("кулобиҳои ҳисорӣ") - то есть давнишних переселенцев из Куляба, по праву считающих себя уже "местными" жителями, "гиссарцами". Все известные элементы обряда "посвящения коня умершему" устойчиво и явственно прослеживаются и у таджиков Каратага (особенно у горцев-сельчан) и Сариашиё, то есть на западе долины, где "кулобиҳои-ҳисорӣ" было уже немного. Местные старики почитают обряд "зора банди" стародавним обыкновением, якобы с незапамятных времен присущим таджикам. К северу от Гиссарского хребта, в долине реки Зеравшан (откуда, по преданиям, каратогцы родом - сел. Дахбед близ Самарканды), подобные обыкновения также отмечены, хотя и не описаны еще подробно (см. ниже).

* * *

Литературные сведения и полевые данные автора об участии коня в похоронных обрядах у соседних локальных групп таджиков, к сожалению,

* Сообщение информаторов: Муминова Рачабгул - 1924 года рождения, родом из к.Харангони боло (Варзоб), проживает в г.Душанбе; Рахматов Рачабалӣ - 1927 года рождения (кулоби), проживает в к.Теппе Самарканди Рохатинского района.

пока скудны и довольно отрывочны. Но даже на их основании уже можно утверждать немаловажную роль коня (лошади) в похоронно-поминальной обрядности у таджиков в целом. На юге Таджикистана наряжали и оплакивали коня умершего в Каратегине²⁰, в Яване и Дангаре (к.Гиджовак), в к.Элок (Нижний Каратегин). "Наряженная лошадь" с накинутыми на нее одеждами покойного участвовала в похоронной процессии в Кулябе²¹, в "давре" использовали лошадь юго-западные кулябцы²²; наконец, известия о "трауре" для лошади есть из Куляба и Нурека (где, по-видимому, аналогичный обряд "посвящение коня" был распространен довольно широко).

Известий об участии коня в похоронах на севере Таджикистана пока немного, но все же они есть. В Ходженте коня иногда наряжали и оплакивали около дома, а затем вели на кладбище перед носилками с умершим молодым мужчиной (сообщение Шамсиевой, 1983 г.). В окрестностях Пенджикента (кишлаки Газна, Вору, Зимтут) бытовал аналогичный обряд. Конь здесь в "давре" не участвовал, но оплакивание покойника происходило параллельно с оплакиванием наряженного коня: на последнего сажали малолетнюю дочь умершего, а его сестра или специальная плакальщица с плеткой в руке стояла рядом с конем и исполняла траурные "марсия" (см. Приложение 2, пример 3). При этом коню иногда посыпали глаза солью, чтобы "у него лились обильные слезы, он как бы тоже оплакивал хозяина и тем остужал свою душу" (сообщение уроженцев этих мест Х.Усмановой и К.Собинова, 1986 г.). В Ура-Тюбе (по сообщению д.и.н. А.М.Мухтарова) был известен сходный обряд: много лет назад, при похоронах отца, еще молодого мужчины, который был большим любителем лошадей - "аспдуст", нарядили сразу двух его коней и на каждого посадили по сыну умершего (младшему тогда было семь лет), а спереди каждого коня за узду держал родственник. Коней с мальчиками на них сначала водили по кругу среди мужчин на внешнем дворе дома ("ҳавлии берун"), а затем привели во внутренний двор ("ҳавлии дарун"), где женщины, окружив их, горько оплакивали. Оба коня шли в составе похоронной процессии до кладбища. Следующие семь дней траура кони стояли наряженными у дома покойного; дальнейшая их судьба информатору неизвестна. Из других мест Северного Таджикистана известия еще более фрагментарны, например, о Самарканде известно лишь одно: умерших там нередко возили на кладбище на лошади, положив тело без носилок, поперек, на специальные сумки - "хурджин", набитые сеном²³. О Ягнобе и Верхнем Зеравшане известно лишь, что там конь участвовал в обряде "давра"²⁴. Наконец, среди оседлого населения Ферганы (то есть узбеков и таджиков) также отмечены отдельные случаи

оплакивания наряженного коня умершего во время "джахра", то есть коллективного траурного "танца" - радения, когда женщины ритмично двигались по кругу, причитая, а конь стоял посередине²⁵.

Помимо непосредственного участия коня в похоронном обряде у северных таджиков удалось зафиксировать целый ряд устойчивых представлений о тесной связи коня с миром мертвых и с водной стихией; именно эти сверхъестественные "свойства" коня часто использовали здесь для розыска утопленников (Кистакуз, Ленинабад)* или для усмирения "недовольных" мертвецов, "тянувших за собой" живых людей, то есть вызывающих несколько смертей подряд в селении или авлоде (к.Шайдон Аштского района).

Обычай посвящения коня умершему в Средней Азии, как известно, бытовал в конце XIX - начале XX века не только у таджиков, но и у некоторых тюркоязычных народов: казахов, узбеков, каракалпаков.

По смыслу обряд этот у всех народов сходен, суть его заключается в стремлении родственников покойного помочь его душе достичь "того света" магическим, сверхъестественным образом, обеспечив ее и транспортным средством, и верным другом - конем. В древности коня с этой целью убивали²⁶. Позднее захоронения с конем становились все более редкими, пока совсем не были заменены символическими действиями (у каждого народа - своими). В то же время в похоронно-поминальных обрядах с участием коня у всех среднеазиатских народов есть и общие черты: коня умершего в день похорон и поминок седлали, "наряжали", водили на могилу хозяина (или до кладбища), иногда конь был участником обряда "давра"; после поминок (третьего, седьмого, сорокового дня или в годовщину) коня чаще всего продавали и устраивали на эти деньги поминальное угощение²⁷.

К сожалению, подробно этот обряд посвящения описан пока лишь у казахов²⁸, и он значительно отличается от описанного выше таджикского обряда (хотя указанные общие черты у них есть). То же можно, видимо, сказать и о соотношении таджикского и узбекского обрядов (в первую очередь узбеков в прошлом полукочевых, часть которых в конце XIX - начале XX века жила и живет поныне в Гиссарской долине, по соседству с таджиками). Похоронно-поминальная обрядность гиссарских узбеков ("ранних", "тюрков" и "поздних", "даштикипчакских" по происхождению групп) до сих пор еще не описана в литературе достаточно подробно²⁹. На основании моих небольших материалов, касающихся похорон у узбеков, обряд посвящения коня умершему^{**}, оплакивание коня и сопутствующие

*Сообщение к.и.н. Ш.Т.Юсупова и У.Пулатова.

**По мнению Б.Х.Кармышевой (и по ее полевым записям, с которыми она меня любезно познакомила, за что я приношу ей благодарность).

им траурные ритуальные "танцы" - "садру самаъ" - являются характернейшими чертами похоронно-поминальной обрядности узбеков, особенно даштикипчакских групп в Гиссарской долине, Кулябе, долине Кафирнигана, то есть в Южном Таджикистане (у локайцев, марка, дурмен, кунгратов и др.).

Разумеется, окончательное решение проблемы происхождения обряда посвящения коня умершему у таджиков - дело будущего (необходимы изыскания в письменных источниках, сбор археологического материала и пр.). Но уже сейчас можно, как кажется, говорить о давности описанной таджикской традиции, о ее самостоятельности (по отношению к аналогичным обрядам тюркоязычных соседних народов). Основанием для такого утверждения-предположения являются, на наш взгляд, приведенные выше данные о широком распространении этого обряда у разных групп таджиков (но особенно - в Гиссарской долине и, по-видимому, в Кулябе).

Косвенным подтверждением выдвигаемого тезиса могут служить также опубликованные сведения об аналогичном обряде у осетин и курдов - двух ираноязычных народов. У осетин³⁰ часть ритуальных действий идентична или весьма сходна с таджикскими материалами: коня тоже наряжали, то есть седлали, накидывали сверху одежду умершего, его оружие и пр., сверху покрывали темной накидкой, далее водили его в похоронной процессии на кладбище. Главное отличие заключалось лишь в иной форме "замены" захоронения коня символическими действиями - здесь у коня отрезали ухо или волосы с гривы, хвоста и клали их в могилу вместе с покойным. Затем в особой речи-молитве специальный человек "посвящал" коня умершему, после чего вдова отрезала свою косу и также клала ее на грудь мужу. Таджики тоже иногда обводили коня вокруг могилы, но в самом процессе захоронения он все же не участвовал. В то же время у таджиков посвященный конь участвовал в "давре", чего как будто не было отмечено у осетин. Реальная судьба "посвященного коня" у обоих народов сходна - его чаще всего продавали и использовали выручку для устройства поминок.

Курдский обряд "котэль" по составу и смыслу представляется еще более близким к таджикскому "аспа зори мондан". Два основных действия - вождение "наряженного" сходным образом коня сначала возле дома покойного, а затем впереди похоронной процессии - полностью соответствует таджикским обычаям. На кладбище у курдов, как и у таджиков, конь непосредственного "участия" в обряде не принимал³¹. Еще одна общая черта - оплакивание (прежде всего, мужское), особенно выделяющееся у курдов и таджиков, в которых причитали и над покойным, и над его конем,

и над его вдовой. После похорон конь часто оставался у курдов среди имущества семьи покойного³².

Значительное расстояние, разделяющее осетин, курдов и таджиков - три современных ираноязычных народа, - исключает объяснение близости описанных обрядов как результата взаимовлияния. Скорее, это три локальных и этнических варианта одного (по происхождению) обряда, восходящего к единому корню - культуре древних ираноязычных кочевых народов Евразии.

* * *

Таким образом, рассмотрение погребальных обрядов и сравнение их с соответствующими обрядами соседних народов выявило устойчивый набор очень похожих, даже идентичных правил и обычаев подготовки и проведения похорон, а также сопутствующих им представлений. Эта часть обычаев, обрядов и верований не только одинакова у всех локальных групп таджиков, но и широко распространена вне Таджикистана, по всей Средней Азии и даже шире: это так называемые "мусульманские" предписания. Меньшая их часть действительно, видимо, зафиксирована шариатом и бытует у большинства среднеазиатских народов. Остальные обряды хотя и считаются "мусульманскими", но по существу (и это в ряде случаев доказано учеными) лишь внешне имеют мусульманский вид, и, оказывается, они были известны предкам среднеазиатских народов задолго до проникновения в регион ислама.

Обряд оплакивания умершего у гиссарских таджиков свидетельствует о большом разнообразии его локальных и социально-возрастных вариантов. При их сравнении с аналогичным материалом у соседних с Гиссаром таджиков становится очевидным множество общих элементов, характерных для всех "южных" таджиков (то есть каратегинцев, дарвазцев, кулябцев и гиссарцев). В других случаях можно прямо говорить и о близких обрядовых соответствиях и сходствах гиссарцев с "северными", равнинными таджиками и с оседлыми узбеками (особенно явственно это прослеживается у каратагцев, части таджиков Сарияссиё, иногда - в Хонако и в предгорном Рамите). По-видимому, сочетание "северных" и "южных" обрядовых черт (с разной степенью смешанности у разных микролокальных групп гиссарских таджиков) уже сейчас, правда, пока еще предположительно, можно считать характерной, неотъемлемой особенностью гиссарского похоронного цикла.

Одним из важных результатов проведенного сравнения похоронных обрядов с участием коня является вывод о принципиальном сходстве этого архаичного (по происхождению) фрагмента у таджиков и живущих с ними

рядом в прошлом полукочевых узбеков (и это - при сохранении каждой стороной специфики, проявляющейся, как правило, в деталях). Прежде всего - этнические традиции в сфере похоронно-поминальной обрядности у таджиков и узбеков Гиссарской долины при всем их сходстве все же достаточно своеобразны, специфичны. Известная их близость объясняется, как кажется, двумя обстоятельствами: 1) одинаковостью "общемусульманских" обрядовых требований и предписаний и 2) фактом взаимовлияния обоих этносов, долгое время живущих по соседству и находящихся в довольно тесных культурных, экономических и даже этнических связях друг с другом.

Примечания

¹ Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // *Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура)*. М., 1977. С.28-52; Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. М., 1978. С.154.

² Беленицкий А.М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // *Сов.этнография*. 1948. № 4. С.162-167; Литвинский Б.А. Кангойско-сарматский Фарн // *К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии*. Душанбе, 1968. С.86; Неменова Р.Л. Народные представления, связанные с рекой Вахш // *Этнография Таджикистана*. Душанбе, 1985. С.98-106.

³ Кармышева Б.Х. Степень изученности скотоводства у таджиков и узбеков // *Очерки хозяйства народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1973. С.80-86; Джахонов У. Традиционное скотоводство таджиков долины Соха в конце XIX-начале XX в. // *История и этнография народов Средней Азии*. Душанбе, 1981. С.68.

⁴ Андреев М.С. Таджики долины Хуф, верх. Аму-Дарья // *С доп. и прим. А.К.Писарчик* // *Тр. АН ТаджССР*. Т.1. Сталинабад, 1953; Пещерева Е.М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи // *По Таджикистану: Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. Вып.1*. Ташкент, 1927. С.42-59; Кисляков Н.А. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна реки Хингуй // *Изв. Тадж. филиала АН СССР*. 1949. № 15. С.37-46; Рахимов М. Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза // *Тр. АН ТаджССР*. Т.120. Душанбе, 1960. С.181-187; Абдулвахидов Р. Некоторые архаические представления, связанные с домашними животными у таджиков Кулябской области // *Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе*. Душанбе, 1987. С.124-129.

⁵ Кармышева Б.Х. К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии. Душанбе, 1987. С.234-236.

⁶ Там же. С.236.

⁷ Пещерева Е.М. Свадьба в ремесленных кругах Каратога // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1978. С.179.

⁸ Пещерева Е.М. Свадьба ... С.184.

⁹ Писарчик А.К. Смерть. Похороны // *Таджики Каратегина и Дарваза*. Вып.3. Душанбе, 1976. С.133.

¹⁰ Андреев М.С. Указ.соч. С.49-73; Сухарева О.А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков: Памяти Андреева // *Тр. АН ТаджССР*. Т.120. Душанбе,

Пример 2. Алира куштан дар хамин савра,
Аспи Алира бастан дар давра.
Хезен, хезен хухарон Али омадан,
Як даста сувор пеши рушан омад.

Убили Али на изгибе Савры,
Лошадь Али привязали в давре.
Встаньте, встаньте, пришли сестры Али,
Группа всадников встретила их на пути.

Пример 3. Элокдарара гарди Элокдарара,
Мегум ака сувор шав аспи алара.
Мегум ака сувор шав аспи алара,
Ай гардани Ширбиби * бьгардан галара.

Элокдара пылинки Элокдары,
Говорю брату: садись на черного коня.
Говорю брату: садись на черного коня,
От начала села Ширбиби поверни обратно
стадо табуна.

(Файзабад, Джанваруз)

*Ширбиби - название кладбища.

Вилен Уарзиати
(Владикавказ)

К ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИКИ АЛАН-ОСЕТИН

Наследие древности, подобно самой природе,
- это обширное пространство, взывающее к истолкованию; как здесь, так и там нужно обнаружить знаки и мало-помалу заставить их говорить.

Мишель Фуко. Слова и вещи

Развитие этнического сознания находится в тесном взаимодействии с множеством разнообразных факторов. Наиболее важные из них можно свести к своеобразному этносоциокультурному феномену. В этой трехмерной структуре культурный фактор выражает функции самоутверждения и самовыражения. В данном случае вспоминаются основные векторы этнической культуры. С одной стороны - интеграция, а с другой - дезинтеграция.

К числу форм этнокультурного самоутверждения и самовыражения относятся: геральдическая символика, героические персонажи, национальная колористика, знамена и прочее. Видное место среди атрибутов этнополитической символики занимают знамена. Престижность этого факта в новейшее время определяется их культурно-историческими истоками. В одной из работ мной была показана возможная причина этого явления. Знамя является одним из многочисленных инвариантов мифологического образа **Мирового древа** (1, С.114-133).

В настоящей работе сделана попытка с привлечением всех возможных сюжетов и материалов рассмотреть знамя как этнополитическую символику. В этом смысле оно еще не привлекало внимания моих коллег, главным образом из-за слабой источниковедческой основы.

* * *

В традиционной культуре осетин и их предков знамя было представлено несколькими разновидностями. Они различались по форме и размеру, цветности и декору. В хрониках, иконографии, историческом фольклоре осетин знамя предстает как атрибут военного дела. Обратимся к письменным источникам античного времени. Эпический поэт второй половины I века н.э. Валерий Флакк в поэме "Аргонавтики", не оконченной или не вполне сохранившейся, в книге VI упоминает специфические военные значки скифов: "Сам Колакс собрал воздушных драконов" (Flac. Argon., VI, 55). В комментариях к этому сюжету сказано, что изображение драконов в качестве военных значков и эмблем у восточноиранских народов и племен прочно засвидетельствовано античной традицией.

В 137 году н.э. наместник в Каппадокии Флавий Арриан в труде "Тактика" писал следующее. Аланское войско имело специальные воинские значки, которые "представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой" (Arr. Tact., XXXV, 3-5).

Аналогичные сведения мы находим у армянского автора V века н.э. Мовсеса Хоренаци. Сообщая о походах алан в Закавказье, он писал: "Вью-